

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ГОЛИКОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА

РЕКРУТЧИНА
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ
(по материалам Урала XVIII–XIX вв.)

Екатеринбург, 2021

УДК 94(470.5) “17/18”
ББК 63.3 (235.55)5

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор
А. В. Сперанский

Рецензенты:
доктор исторических наук М. И. Роднов
доктор исторических наук Е. Ю. Рукосуев

Голикова С. В.
Г 60 Рекрутчина как социокультурное явление
(по материалам Урала XVIII–XIX вв.). — Екатеринбург:
Институт истории и археологии УрО РАН, 2021. — 264 с.
ISBN 978-5-9075021-8-5

В монографии анализируются изменения в сознании, поведении и социально-бытовой среде податного населения Урала, появившиеся в связи с комплектованием вооруженных сил путем рекрутских наборов. Охарактеризованы «хватовщина», очередная и жеребьёвая системы набора. Рассмотрена организация призывов в армию и способы уклонения от них («наёмничество», «бракование» по состоянию здоровья, членовредительство и пр.). Исследованы обряды проводов рекрутов, восприятие солдата в народной культуре. Показано положение солдатской семьи.

*В оформлении обложки использованы рисунки
доктора исторических наук В. А. Шкерина*

© Голикова С. В., текст, 2021
© Шкерин В. А., рисунки, 2021
© Институт истории и археологии
УрО РАН, 2021

ISBN 978-5-9075021-8-5

СОДЕРЖАНИЕ

Авторское предисловие	4
Введение	
Результаты и перспективы исследования рекрутчины	9
Глава 1.	
Организация рекрутских наборов и отношение к ним податных сословий	
1.1. «Хватовщина»	25
1.2. Выработка очередного порядка	53
1.3. От очередной системы к жеребьёвой	80
Глава 2.	
Медицина и рекрутчина	
2.1. Медицинское освидетельствование рекрутов	111
2.2. Медицинские способы уклонения от службы	149
Глава 3.	
Влияние рекрутской повинности на народную культуру	
3.1. Обряды проводов рекрутов	182
3.2. Восприятие судьбы и статуса солдата традиционным сознанием	218
3.3. Солдатка и ее дети: образы и реалии	237
Заключение	255
Список литературы	259

Авторское предисловие

*Достаточно проникнуться духом этой страшной драмы,
чтобы без подтверждения со стороны истории понять,
что значили в свое время рекрутчина и солдатство.*

И. Д. Белов

Рекрутчина оставила после себя в России и на Урале глубокую и бесславленную память. Д. Н. Мамин-Сибиряк в своем раннем рассказе «Красная шапка» (так образно именовали рекрутчину) писал: «В доброе старое время красная шапка для всех была страшным и суровым призраком, при одной мысли о котором леденела кровь в жилах у самых забубенных головушек. Боялись красной шапки как огня все поголовно...».¹ «Красная шапка являлась чуть ли не страшнее красного петуха», — вторил писателю его старший современник, выходец из тех же демидовских владений, беллетрист и известный педагог И. Д. Белов. Этот уроженец Нижнетагильского завода приводит еще одно образное восприятие рекрутчины, — по его наблюдениям, помимо пожара народ сравнивал её с набатом и говорил, что «у царя есть колокол на всю Русь». Подобное представление Иван Дмитриевич считал чрезвычайно точным: «Да, лучше трудно выразить весь характер и все значение рекрутских наборов, вполне заслуживавших название колокола: Этот колокол действительно звонил на всю Россию, звонил так, что при первом ударе его пробегал трепет по крестьянской душе, содрогался весь крестьянский люд от малого до взрослого. Как грозная туча шел набор, неся с собой слёзы, неутешное горе, безысходные страдания».²

За свою полуторастолетнюю историю рекрутчина не только вошла в плоть и кровь жизни народа. Она была ведома всему российскому обществу. «Всем, например, хорошо известно, с каким ужасом и страхом в былое время встречалась в деревне весть о “рекрутчине”», — обращался в 1861 г. к своей, весьма далекой от простолюдинов, читательской аудитории автор «Военного сборника». На широкое распространение, оповседневнивание, бытовизацию этой напасти показывают его дальнейшие риторические вопросы к тем, чьи родные и близкие никогда не попадали нижними чинами в армию: «Кому из нас не удавалось слушать раздирающих

душу воплей и стонов, какими провожали рекрута, на которого глядели в народе как на заживо погребенного?»³ По воспоминаниям И. Д. Белова, эти впечатления появлялись у всех слоёв населения, в том числе привилегированных, с детских лет. «Живы еще в нашей памяти годы, — писал он, — когда звук упомянутого колокола доносился до горных заводов, в которых прошло наше детство». «"Набор, набор!" — таинственно и с невыразимым страхом шепталась дворня», — воссоздавал он в памяти реалии тех дней. Впечатлительный мальчик попадал под общий психологический настрой: «...мне, ребенку, вследствие этого, набор представлялся каким-то чудовищем, с огненными глазами, с бесконечно длинным хвостом, сметавшим все, попадавшееся ему на пути».⁴

Уже этот пример показывает, что рекрутские наборы оставались болезненным, поэтому культурнопродуктивным конфликтом между властью и обществом, властью и индивидом. Комплекс иницируемых им отрицательных эмоций, а также эффектов и явлений, в конце концов, получил наименование и культурную форму «рекрутчины». В данной монографии анализируются изменения в сознании, поведении и социально-бытовой среде податного населения Урала, появившиеся в связи с комплектованием вооруженных сил путем рекрутских наборов. В том, что эти перемены имели место, убеждает высказывание И. Д. Белова: «... рекрутский набор производил на народ... потрясающее действие». Потрясения основ жизнедеятельности в качестве предмета изучения привлекательны для историка. Для дальнейшего же раскрытия темы имеет смысл обратиться к другому замечанию данного автора: «Остается только удивляться, каким образом хватило внутренних сил у нашего народа вынести на себе рекрутчину и солдатчину, со всеми ее тяжкими последствиями». Это заявление указывает, что следует изучать не только шок от введения рекрутских наборов и его последствия, но и показать потенциал масс, те их «внутренние силы», которые потребовались для адаптации к суровым реалиям.⁵ Конечно, путь, пройденный рекрутчиной — это история, разворачивающаяся в измерении власти и в зависимости от нее, но это не военная история, напротив, она контрастна военной истории, противостоит ей — это теневая сторона исторического официоза побед русского оружия.

Многочисленные армии возникли «на пороге современной эпохи», когда, по замечанию М. Фуко, «происходила очень заметная, явная эволюция практических форм и институтов войны, что можно охарактеризовать следующим образом: военные институты

и соответствующая им практика все более и более концентрируются в руках центральной власти; мало-помалу устанавливается порядок, при котором на деле и по праву только государственная власть могла начинать войну и манипулировать инструментами войны: происходит, следовательно, этатизация войны». «В силу этатизации, — продолжал мыслитель, — в силу того, что война оказывалась деятельностью, осуществляемой за пределами государства, она становилась профессиональным делом тщательно отобранного и подлежащего контролю военного аппарата. Происходило, грубо говоря, становление армии, института, которого, по сути, не было в качестве такового в средние века. Только в конце средневековья можно видеть возникновение государства, наделенного военными институтами, пришедшими на смену повседневной, глобальной практике войны и обществу, пронизанному военными отношениями».⁶

Наборы просуществовали с начала XVIII в. до введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности. Призванный рекрут отрывался от своего привычного жизненного уклада и становился «государевым человеком». За 1705–1873 гг. было проведено 126 рекрутских наборов — в среднем 3 набора каждые 4 года, хотя в отдельные годы назначалось по 2 набора. Всего наборы поставили под ружье 6,3 млн человек.⁷ Сначала служба в армии была пожизненной, в 1793 г. её предел был определён в 25 лет, с 1830-х гг., отслужив 20 лет, солдаты отправлялись на 5 лет в бессрочный отпуск, при Александре II срок сократился до 15 лет.

Этот тип мобилизации масс в регулярную армию как нельзя лучше соответствует высказыванию М. Фуко: «Однако в XVII и в XVIII веках происходит важное изменение, а именно, появляется — нужно бы сказать изобретается — новая механика власти с особыми процедурами, с новыми инструментами... В условиях новой власти регистрируются не столько земли и их ресурсы, сколько люди и их действия. Она соотносится скорее с людьми, временем и трудом, чем с благами и богатствами».⁸

И. Д. Белов также склонен был считать такой способ формирования армии новацией, а также заимствованием: «Петром Великим создана рекрутчина, происходящая от немецкого слова, перенесшая к нам немецкие воззрения на война...». По его мнению, несмотря на наличие объективных предпосылок, нововведение не прижилось: «Великий преобразователь имел свои основательные экономические и политические причины создать наборы, но, к сожалению, их непригодность для нашей жизни сказалась очень скоро».

В качестве аргумента им приводится факт постоянного сопротивления народа: «Начавшееся при Петре движение против рекрутских наборов и против всяческих безобразий военного начальства продолжалась и во все последующие царствования».⁹

Отбывание рекрутской повинности в уральских губерниях обладало рядом особенностей, определяемых их территориальным положением, профессиональной принадлежностью населения и ранним промышленным развитием региона. Первые две отметил уже Д. Н. Мамин-Сибиряк. Малоосвоенный и редкоселённый край предоставлял широкие возможности для бегства от рекрутчины, которыми «особенно пользовались жители окраин и разных глухих медвежьих уголков, какие, например, попадались в то время на Урале». В первую очередь стремились ими воспользоваться привыкшие к беглому образу жизни старообрядцы, ведь «специально для раскольников красная шапка приходилась еще горше, потому что солдат не мог оставаться старовером и под градом палочных ударов обыкновенно оставлял старую веру».¹⁰

В связи с появлением горнозаводской промышленности край стал одним из немногих регионов, которые пополняли рекрутами не только армию. Кадры рабочих, особенно на казенных предприятиях, довольно часто набирали путём направления рекрутских контингентов с военной службы в заводскую. Согласно Н. А. Миненко, рекруты, набираемые в приписной деревне (а приписка касалась подавляющего большинства уральских сельских районов) поступали на заводы «во ученики к горным делам».¹¹ В отличие от Алтайского горного округа, рекрутская повинность населения которого полностью исчерпывалась предоставлением рекрутов для горно-металлургической промышленности этой собственности Кабинета Его Императорского Величества, на Урале подобная практика была распространена не повсеместно. В первой половине XIX в. сходство горнозаводских и армейских порядков увеличилось в связи с приравнением горной службы к военной и введения на казенных заводах края соответствующих правил. Забранный в рекруты сельский житель мог сделаться мастеровым, оставшись в его же пределах. Мастерового также могли забрать, а потом он вновь мог оказаться принадлежностью горного ведомства. Перипетии судеб отдельных людей в связи с реализацией рекрутской повинности в условиях горнозаводского Урала на примере прошений рабочих этого времени хорошо показал В. А. Шкерин.¹²

Социокультурный взгляд на рекрутчину позволяет увидеть за цифрами пополнения, которое должна была получить армия, за данными губернаторского отчета о числе поставленных регионом

рекрут человеческие реакции, переживания и судьбы. Жестокость власти по отношению к народу, его страдания и унижения требовалось ввести в некое безопасное русло, что во многом удалось сделать за счет культуры.

¹ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Красная шапка // Мамин-Сибиряк Д. Н. Художественные произведения 1875–1882 гг. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург, 2002. С. 352.

² *Белов И. Д.* Наш солдат в песнях, сказаниях, поговорках // Исторический вестник. 1886. Т. 25. № 8. С. 315.

³ *Н. Н.* Общий обзор преобразований по части устройства вооруженных сил России с 1856 по 1860 гг. // Военный сборник. 1861. № 3. С. 16.

⁴ *Белов И. Д.* Указ. соч. С. 315.

⁵ Там же. С. 324–325.

⁶ *Фуко М.* Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб, 2005. С. 65–66.

⁷ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 159.

⁸ *Фуко М.* Нужно защищать общество... С. 54.

⁹ *Белов И. Д.* Указ. соч. С. 315–316, 318.

¹⁰ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Красная шапка. С. 352–353.

¹¹ *Анкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века. М., 2003. С. 63.

¹² *Шкерин В. А.* Генерал Глинка: Личность и эпоха. Екатеринбург, 2006. С. 100–102.